

Музыкальная культура РУССКОГО СЕВЕРА в научном наследии Б. Б. Ефименковой

К 80-летию со дня рождения ученого

К 1447114

МОСКВА·МУЗЫКА
2012

Из истории сабирания и изучения русской причети

Жанр причети распространен на русской этнической территории в различных стилевых разновидностях под местными названиями: причить, причет, причот, плач, причитание, гоношение, вопль. Он служит для выражения горестных, порою трагических переживаний, настроений.

По своему содержанию и общественному назначению причитания по-всеместно подразделяются на плачи по умершим (погребальные), воинские (рекрутские), свадебные. Все эти жанровые разновидности русского плача объединяются одной общей темой разлуки с близкими людьми, родными местами, привычным укладом — темой, связанной с тяжелыми жизненными потерями, трагическими поворотами судеб. Образы утраты, расставания, пути-дорожки «на чужу дальнюю сторону», откуда часто нет возврата, объединяют все жанровые разновидности причети общим и своеобразным стилевым единством, ярко выступающим как в поэтике, так и в мелодике причитаний.

Тексты русских плачей были записаны впервые только в начале XIX века, а их напевы — в конце того же столетия. Но свидетельства наблюдателей относятся, однако, к более раннему времени.

В настоящей статье объединены материалы двух работ Б. Б. Ефименковой. О времени их написания можно судить по тому, какие нотные сборники вошли в обзор публикаций. Одна статья — большая по объему (47 страниц машинописного текста) — была написана, очевидно, в конце 1960-х годов, другая, значительно меньшая (30 страниц) — в начале 1970-х. Вторая статья представляет собой фрагмент диссертационного исследования и обозначена как его первая глава с заглавием «Из истории сабирания и изучения русской причети». Более ранняя работа не озаглавлена, но, вероятно, она также имеет отношение к диссертации в ее первых вариантах. Обе работы чрезвычайно близки по содержанию.

Прежде других разновидностей жанра объектом внимания становится погребальная причеть — и не случайно: представления о смерти и посмертном существовании играли огромную роль в жизни человека, в формировании его быта и мировоззрения. Именно народная погребальная причеть послужила образцом для многочисленных «плачей», встречающихся в древнерусской письменной литературе вплоть до XVII века. Эти плачи, наряду с описаниями иностранных путешественников, посетивших русскую землю, рисуют нам широкую картину бытования погребальной причети уже в отдаленные века русской истории и передают — более или менее точно — круг образов, характер и пути эволюции старинных обрядовых причитаний по умершим.

Пожалуй, наиболее ранним свидетельством такого рода является «Записка» Ахмеда ибн-Фадлана ибн-Аббаса ибн-Рашида ибн-Хаммада, датированная началом X века. Этот арабский путешественник, пожелавший присутствовать на похоронах знатного русса, оставил нам подробное описание старинного погребального обряда, сопровождавшегося человеческими жертвами. И между прочим он упоминает о том, что обрекшая себя на смерть и сожжение вместе со своим господином девушка перед самым концом пела прощальные песни.

«...Подали ей кружку с горячим напитком, она пела над нею и выпила ее, толмач же сказал мне, что этим она прощается со своими подругами. Затем дали ей другую кружку, которую она взяла и запела длинную песню; старуха же (распорядительница обряда. — Б. Е.) торопила ее выпить кружку и войти в палатку, где ее господин»¹.

Были ли это причитания? Вряд ли можно пойти в этом случае дальше догадок и предположений. Ибн-Фадлан употребляет слово «песня», которое ничего не доказывает и не опровергает. Здесь могли иметь место и не знание обычаем чужого народа, и неточность в выборе самого термина, и неточность его перевода. Во всяком случае, А. Котляревский, комментируя этот рассказ, замечает: «Питье прощальной чаши и последнее *причтание* (выделено мною. — Б. Е.) встречает многочисленные аналогии в обычаях славянских племен»².

Письменные памятники древней русской литературы, и прежде всего летописи, содержат не только вполне определенные указания на большую

¹ Цит. по: Гаркави А. Сказания мусульманских писателей о Славянах и Руссах. СПб., 1870. С. 99.

² Котляревский А. О погребальных обычаях языческих славян. Т. III. СПб., 1891. С. 78.

роль обрядовых плачей в богатой превратностями русской истории эпохи феодализма, но включают и тексты причитаний по наиболее любимым князьям. Интересно, что летописец отмечает традицию не только индивидуальных, но и коллективных оплакиваний, в которых принимали участие и мужчины. Вообще мужской плач — не редкость в русской летописи³.

Ольга оплакивала мужа своего в древлянской земле, над ослепленным Васильком Теребовльским попадья «плакатися нача... яко мертву сущию оному»⁴. Плакал по Ярославе Мудром его сын Всеволод, по Изяславе Ярославиче — Ярополк с дружиною своею: «Отче, отче мой! что еси пожил без печали на свете сем, многы напасти приим от людий и от братья своея? се же погибе не от брата, но за брата своего положи главу свою»⁵. Владимир Мономах в письме к Олегу Святославичу, который держал в плена невестку Мономаха, писал: «...а сноху мою послати ко мне... да бых обуим оплакал мужа ея и оны сватбы ею»⁶. Летописи приводят тексты плачей по Андрею Боголюбскому (1175), по Мстиславу Ростиславичу (1179) и его брату Роману (1180). В житиях князей отрывки плачей завершают рассказы о смерти Бориса и Глеба, Александра Невского, Дмитрия Донского и многих других.

Народная традиция оказала несомненное влияние и на авторов «Слова о полку Игореве» (плач жен русских, плач Ярославны), «Задонщины» (плач боярынь московских, воеводческих жен, плач татарского войска) или более поздних исторических повестей о событиях смуты начала XVII века⁷.

Конечно, плачи в летописях, житиях и прочих произведениях письменности создавались не только под влиянием народной традиции, но и переводной (прежде всего, византийской) и церковной литературы. Это своего рода литературные обработки, которые не могут никоим образом заменить точных записей подлинных народных причотов, но являются неопровергаемым доказательством распространенности этого жанра на протяжении огромного исторического периода.

³ Мы не знаем, какого рода были эти мужские плачи — они исчезли из быта задолго до нашего времени. Песни типа мужских плачей сохранились у осетин и других кавказских народов, но там они имеют совершенно иной характер, чем женские причитания. До нас же дошел только женский русский плач.

⁴ Полное собрание русских летописей. СПб., 1846. Т. I, л. 3.

⁵ Там же. Л. 86.

⁶ Там же. Л. 105.

⁷ Например, в «Сказании о царстве Федора Иоанновича» есть плачи угличан и плач матери-вдовы над телом царевича Дмитрия, в повести «О представлении и о погребении князя Михаила Васильевича Шуйского, рекомого Скопина» — плач жены его.

Похоронная причеть настолько прочно входила в быт, в обиход русского общества, что уже в первых произведениях письменности стала, по словам исследователя древнерусской литературы В. Андриановой-Перетц, специфической формой древнерусской лирики, давшей «книжному плачу свои традиционные приемы»⁸.

«Внутри эпического повествования, выражавшего широкую историческую тематику, с XI века появляются лирические эпизоды, которые облекаются в форму „плачей“ . Основная тема этих плачей — скорбь по умершему; но чем дальше, тем разнообразнее становятся темы литературных плачей: горестная судьба, разлука, военное поражение, наконец, бедствия разоренноговойной города или государства — вот темы плачей, которые к XVI—XVII векам иногда выделяются из общей композиции повествования и становятся самостоятельным лироэпическим жанром»⁹.

Столь же многочисленные упоминания о погребальной причети содержат и иностранные описания отдельных сторон русского быта XVI—XVII веков.

В 1551 году польский священник Иоанн Менецкий в эпистоле к Георгию Сабину, наряду с интересными сведениями о погребальных обычаях западной части России, приводит отрывок похоронного плача (на рутенском языке и в латинском переводе) в качестве образца. А. Котляревский, обращая особое внимание на это послание Менеция, рассматривает записанный польским священником отрывок плача как «едва ли не древнейшее русское похоронное причитание»¹⁰.

К XVI веку относится и первая публикация южнорусского похоронного причета в обработке польского поэта Кленовича в его поэме «Roxolania» («Русь», 1554).

Но особенно часто упоминают о похоронных обрядах, сопровождавшихся «воплями», иностранцы, побывавшие в России.

В «Подробном описании путешествия голштинского посольства в Москвию и Персию в 1633, 1636 и 1639 годах» Адама Олеария читаем: «Если умрет кто, то сходятся ближайшие приятели покойного и женщины друг перед другом, начинают громко вопить и кричать; они становятся вокруг мертвого тела и спрашивают: „Зачем ты умер? Али у тебя недоставало про-

⁸ Андрианова-Перетц В. Очерки поэтического стиля Древней Руси. М.; Л., 1947. С. 144.

⁹ Там же. С. 135.

¹⁰ Котляревский А. О погребальных обычаях языческих славян. С. 152.

довольствия какого, пиши, напитков, одежды или чего другого? Али жена у тебя была не добра, не молода и не красива и не довольно верна?... Такие жалобы повторяют они и у могилы, когда следует уже опускать в нее, а также и после, по нескольку раз в году, над могилами»¹¹.

Секретарь посольства императора Леопольда I к царю Петру I (1698–1699) Иоанн Георг Корб приводит подробные же вопросы к умершему, но отмечает при этом, что покойного оплакивают «нанятые женщины»¹².

Подобные сведения встречаются почти во всех записках иностранных путешественников XVI–XVII веков.

Своеобразным доказательством широкой распространенности народной погребальной причети и древности ее происхождения являются свидетельства борьбы церковных и светских властей феодальной Руси с «языческим» обрядом оплакивания умерших. В постановлении Стоглавого собора (1551) читаем: «В троицкую субботу по селом и погостом сходятся мужи и жены на жальниках (то есть кладбищах. — Б. Е.) и плачутся по гробом с великим кричанием»¹³.

Стоглав осудил эту противоречащую нормам христианской религии традицию, однако она продолжала существовать. В 1715 году Петр I по случаю кончины царицы Марфы Матвеевны специальным указом вновь запретил обычай оплакивания покойного как «непристойный и суеверный». Почти полвека спустя А. Сумароков в заметке «О неестественности» называет народный погребальный обряд «плачевным и смешным позорищем», а притчания — «дурацкими песнями» и все еще настаивает на их изгнании из дворянского быта¹⁴. Но уже начался новый период в истории русской культуры — период, который в корне изменил отношение просвещенной верхушки общества к народному искусству и к русской причети.

Вторая половина XVIII века — эпоха крестьянских восстаний и пробуждения чувства национального самосознания, интереса к народу, его истории и культуре. Это время появления первых сводов исторических и этнографических материалов о России. Большое внимание уделяется в них древ-

¹¹ Подробное описание путешествия голштинского посольства в Москвию и Персию в 1633, 1636 и 1639 годах, составленное секретарем посольства Адамом Олеарием. М., 1870. С. 364.

¹² Дневник Иоганна Георга Корба, секретаря Посольства от императора Леопольда I к царю Петру I в 1698–1699 гг. М., 1868. С. 272.

¹³ Цит. по: Котляревский А. О погребальных обычаях языческих славян. С. 148.

¹⁴ Сумароков А. О неестественности // Трудолюбивая пчела. 1795, апрель. С. 237–240.

ним обрядам, обычаям, поверьям. И народная причеть, уже не только погребальная, но и свадебная, как необходимая часть народного быта попадает в поле зрения этнографов.

В «Истории русской этнографии» А. Пыпин так характеризует этот период: «В последних двух десятилетиях прошлого (то есть XVII. — Б. Е.) века возникает впервые, иногда в замечательных пробах изучение народных обычаяев, преданий, собирание народных песен: это было не случайное дело простого любопытства, а именно определенное, хотя часто еще весьма неумелое желание разыскать народную старину»¹⁵.

Правда, причеть задевается исследователями изредка. Можно утверждать, что песенные сборники не только XVIII века, но и первых десятилетий века XIX, в сущности, не дают текстов народных плачей. Сделанная еще в начале XVII века для английского путешественника запись плача Ксении Годуновой (среди шести исторических песен) чисто случайна. К тому же это, скорее всего, не подлинный текст, а его литературная обработка.

О причитаниях продолжают упоминать. Правда, иногда эти беглые замечания содержат ценные сведения. Выделяется в этом отношении работа Т. Болтина «Примечания на историю древния и нынешния России г. Леклерка». Интересующее нас «примечание» является разъяснением по поводу утверждения Леклерка о том, что в России до сих пор существуют наемные плачальщицы и что русская похоронная причеть вся строится из ряда канонизированных вопросов к покойному.

Уличив автора в недобросовестности (вопросы эти Леклерк переписал из книги Левека, а выдал себя за очевидца), Болтин сообщает много интересного о бытовании похоронной причети в конце XVIII столетия: «Из всего сказанного вот что есть истинное, оставшееся от древнего обычая: в деревнях и поныне плачут, или, приличнее, воют, причитая вслух некоторые слова в похвалу умершего и в объяснение своей любви к нему, сиротства и бедности, в которые впали лишением его; но плачут обыкновенно близние родственницы умершего, яко жена, сестра, дочь, и проч., а отнюдь не наимшицы, и в плаче своем произглашают речи не по форме, а что на тот час в голову их придет, без всякого размышления и предуготовления»¹⁶.

Это описание русской похоронной причети затрагивает и ее типическое содержание, и обстановку исполнения, и импровизационный характер вы-

¹⁵ Пыпин А. История русской этнографии. Т. I. СПб., 1890. С. 27.

¹⁶ Болтин И. Примечания на историю древния и нынешния России г. Леклерка. Т. I. Б. м., 1788. С. 163.

сказывания — все эти черты будут отмечаться в последующих исследованиях вплоть до нашего времени.

Сведения о русской похоронной причети к началу XIX века были подытожены в книге «*Dissertations sur les antiquités de Russie*» М. Гутри, изданной в России на французском языке в 1795 году. Русский ее перевод публиковался уже в 1797 году, а в 1844-м в журнале «Маяк» он был перепечатан с некоторыми сокращениями.

Работа Гутри, хотя и является первой попыткой свода всего этнографического материала своего времени, довольно поверхностна и лишь констатирует факт существования погребальных и поминальных обычаяв и причинений.

А. Радищев, помещая в «Путешествии из Петербурга в Москву» два образца рекрутского плача (в главе «Городня»), расширяет сведения о жанрах народной причети.

В 1825 году Н. Гнедич публикует свой перевод «Простонародных песен нынешних греков», изданных во Франции Фориелем. Во введении Гнедич не только приводит описание греческого обряда оплакивания покойника, данное французским издателем, но и добавляет для русского читателя следующее: «Так называемые... мирологи и у нас, хотя не имеют названия, но существуют: ...простонародные женщины в России, а особенно в Малороссии, оплакивая мертвых, прибегают не к одним слезам и не имеющим связи воплям горести, ...плач их составляет особенный, у простых людей почти общий род оплакивания, в котором они обыкновенно исчисляют добродетели умершего, хвалят его и, жалуясь на свое вдовство или сиротство, распевают: *Закрыл ты ясные очи свои! На кого оставил? ...Плач сей, производимый всегда особенным родом напева* (выделено мною. — Б. Е.), носит на себе совершенное свойство миролога»¹⁷.

Следовательно, уже в 20-е годы XIX века общее представление о похоронных причитаниях было довольно полным. Гнедич даже отмечает своеобразие их музыкального интонирования — «особенный род напева». Однако первые публикации текстов народных причитаний, не говоря уже о записях их напевов, появляются значительно позднее.

В конце 1950-х годов стало известно, что в начале XIX века уже были сделаны записи текстов народных плачей. И впервые (после, может быть, Радищева) к ним подошли с эстетической оценкой, впервые они стали рас-

¹⁷ Гнедич Н. Простонародные песни нынешних греков. СПб., 1825. С. XXIX.

сматриваться как произведения художественного творчества. Речь идет о письме, присланном в 1811 году Г. Державину человеком, имя которого так и осталось неизвестным¹⁸. Ю. Лотман, разыскавший это письмо, считает, что оно явилось ответом, откликом на опубликованный в том же 1811 году трактат Державина «Рассуждение о лирической поэзии».

Письмо содержит восемь текстов разнообразных притчаний: тут и свадебные, и рекрутские, и похоронные, и «на всякий случай» (№ 6 — «о неполучении писем», № 8 — «работая в лесу, по разлуке с родными»). Неизвестный автор подчеркивает точность записи словами: «Прилагаю при сем несколько обыкновенных образцов... сельского нашего песнопения. Не взывите, что стихи немерные. Я не сочинитель, а списчик». Текстам предшествует краткое описание этого жанра народного творчества, в котором отмечаются жанровое богатство и распространенность притчи («вопят и ныне: невеста на вечерине... вопит мать, жена, сестра, провожая сына, мужа, брата на службу. Вообще вопят над могилами родителей при всех значащих обстоятельствах и происшествиях жизни»), обязательность умения причитывать для каждой крестьянки («молодые девочки заблаговременно учатся вопить... „вопить не умеет“ — такой же почти упрек, как „прясть не умеет“»), роль личного творчества, зависимость поэтической ценности плача от одаренности исполнителя («припевы — соответственно дарованию певиц, иногда глупые, иногда истинным чувством вдохновленные»). «Явно из сего, что поселяне наши имеют своих стиховодниц и любят свою поэзию», — замечает автор¹⁹.

Несколько слов он посвящает и напевам плача: «Мелодия сего вопа или плача не весьма приятная»²⁰. К сожалению, в течение еще многих лет и собиратели, и исследователи плачей при характеристике музыкальной стороны гоношений будут ограничиваться подобными малозначащими замечаниями.

Перелом в собирании, публикации и изучении народной поэзии наступает в 30—40-е годы XIX века. Это связано с ростом интереса к народной жизни, к большой общественной роли народа.

Борьба вокруг вопросов о целях и задачах общественного развития уже в 30-е годы XIX века выдвигает проблему народности как основную в русском

¹⁸ См.: Лотман Ю. Записи народных притчаний начала XIX века из архива Г. Р. Державина // Русская литература. 1960. № 3.

¹⁹ Там же. С. 146.

²⁰ Там же.

обществе. В свете этой борьбы собирание и изучение памятников народного творчества становится задачей общенационального значения.

Весь XIX век проходит в активной собирательской работе. Лучшие представители русской культуры отдают этому свои силы. Постепенно в работу по собиранию фольклора вовлекаются лица самых разнообразных социальных групп и идеально-политических течений. «Наша литература только и говорит, что об изучении народа, наполняется множеством этнографических описаний, очерков, рассказов и т. п.», — читаем в журнале «Современник» за 1865 год²¹.

И тем сильнее интерес к силам и творческим возможностям народа, его самобытности и талантливости, чем острее в русском обществе встает проблема крепостничества.

Своеобразным притягательным «центром» собирания поэтического фольклора с 30-х годов XIX века становится Петр Васильевич Киреевский, который поставил перед собой грандиозную задачу: издание всеохватывающего собрания произведений народного творчества. Ему удалось привлечь к этому делу многих писателей и видных общественных деятелей: свои материалы Киреевскому передают Пушкин и братья Языковы, Даль, Гоголь и Кольцов, Якушкин, Погодин и многие другие.

В 1838 году Киреевский публикует специальную «Песенную прокламацию» к обществу — с призывом принять активное участие в собирании памятников народной поэзии. И в адрес Киреевского начинают стекаться фольклорные материалы со всех концов России.

Однако публикация собрания Киреевского началась в основном после его смерти: в период с 1860 по 1874 год выходят десять выпусков былин и исторических песен под редакцией П. Бессонова. В это издание проникают и похоронные заплачки, правда, большей частью в составе исторических песен. Так, в конце VI выпуска («Грозный царь Иван Васильевич») помещены песни и плачи о смерти царя, в том числе пять вариантов плача царицы Марфы Матвеевны и два варианта плача войска. Скорее всего, это исторические песни, включающие причеты в качестве составной части (прямой речи, обращенной к умершему). В конце VIII выпуска («Русь Петровская») — подобные же песни о Петре I²².

²¹ Современник. 1865. № 2. С. 173.

²² Причем наряду с народными помещены и «исправленные» книжные плачи из сборников Чулкова, Новикова, Дмитриева и т. п.

Все эти материалы, хотя и были собраны в 30-е годы, стали общим достоянием сравнительно поздно (VI выпуск — в 1864 году, VIII — в 1870-м). Расширились ли представления о причети в 30—50-е годы XIX века?

Именно в это время появляются первые сведения о причитаниях Русского Севера — Олонецкого края, в будущем столь известного. В 1838 году друг М. Лермонтова — С. Раевский, сосланный в Петрозаводск за распространение стихотворения «На смерть поэта», становится редактором неофициальной части «Олонецких губернских ведомостей». В том же году в «Прибавлениях» (неофициальной части газеты) печатается большая статья Раевского «О простонародной литературе»²³. В ней автор выдвигает задачу изучения народного быта и творчества. С этой целью он включает в первую часть своей статьи прокламацию П. Киреевского. Вторая же часть посвящается народным плачам или воплям, как предлагает назвать их автор.

«Кроме песен, сказок, стихов поэзия народа русского обнаруживается еще в одном особенном роде созданий, которые доселе не обращали еще надлежащего внимания литераторов наших, почему и сообщаю о них любителям народности нашей несколько замечаний»²⁴. Раевский подробно описывает бытование плачей, особенно подчеркивая, что «простой народ русский и исключительно женщины изъявляют свою печаль воплем и причетами не только во время похорон, но и при других случаях, когда горе вытесняет все другие чувства и увлекает все силы для выражения его»²⁵. И Раевский называет среди жанров причети помимо похоронных, свадебных и рекрутских заплачек — бытовой необрядовый плач «на пожарище во время мгновенного истребления плода многолетних трудов, а иногда у людей очень чувствительных и несчастных, даже среди полевой работы: одинокая женщина после тяжелого раздумья о безвестном отсутствии мужа, родных и дурно награждаемых работах на чужую семью, увлажнив лицо слезами, горькими жалобами выражает частые, безотрадные свои думы»²⁶.

Таким образом, статья Раевского показывает, что жанровая природа народной причети уже в конце 30-х годов представлялась достаточно полной. Не менее ценной стороной очерка Раевского является подчеркивание социальной природы плачей. Одним из первых автор видит в причитаниях отра-

²³ Олонецкие губернские ведомости. 1838. Прибавления к № 12, 13, 19 и 21.

²⁴ Цит. по: Бродский Н. Святослав Раевский, друг Лермонтова // Литературное наследство. Т. 45—46. М., 1948. С. 317.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же.

жение национального сознания и истории народа, отстаивает самобытность русской причети в споре со сторонниками ее античного происхождения: «Несмотря на сходство с греческими мирологами, мы не думаем, чтобы вопли вошли в обычай наши из подражания грекам. Они почти повсеместно распространены между народом, и следы их слишком рано видны в истории»²⁷.

Вслед за Раевским ряд ценных сведений о плачах сообщает В. Дашков в своем «Описании Олонецкой губернии». Помимо указания на роль плакальщиц в северном похоронном обряде, автор дает подробную запись обряда поминовения умерших. Здесь же помещен текст плача детей на могиле матери. Дашков стремится подчеркнуть широкое бытование и иных жанровых разновидностей плачей: «Простой народ изъявляет воплями свое горе не только при похоронах, но и в других случаях. Невеста с рыданиями покидает дом родителей, юноша с тоскою отправляется в далекий какой-нибудь путь, на чужую сторону, дети рыдают, потеряв своих родителей и пр.»²⁸.

Одним из первых автор «Описания Олонецкой губернии» обращает внимание на роль заплачки в свадебной игре. Вообще русская свадьба с 30-х годов XIX века начинает занимать многих собирателей и исследователей фольклора. Большое место отводит ей И. Сахаров в «Сказаниях русского народа» (1837). В местной и центральной печати появляются многочисленные описания (иногда беглые и поверхностные) крестьянской свадебной драмы с отрывками текстов причитаний невесты и девушек — в основном северных районов России.

Поскольку северная русская свадьба вообще отводит плачу совершенно исключительную роль, даже беглые заметки о ней содержат отрывки причитаний невесты и девушек. Поэтому к середине XIX века свадебная причеть оттесняет погребальную в собирательской работе. Так, например, очерк А. Жаравова «Сельские свадьбы Архангельской губернии» включает около сорока текстов свадебных плачей²⁹. Но интересен он не только и не столько количеством записанного³⁰. Автор счел необходимым дать к своей статье

²⁷ Цит. по: Бродский Н. Святослав Раевский, друг Лермонтова // Литературное наследство. Т. 45–46. М., 1948. С. 318.

²⁸ Дашков В. Описание Олонецкой губернии в историческом, статистическом и этнографическом отношениях. СПб., 1842. С. 214–215.

²⁹ Московитянин. 1853. № 13, 14.

³⁰ Например, в «Пермском сборнике» (М., 1859) опубликована статья «О свадебных обрядах города Чердыни», которая содержит более ста (!) текстов свадебных песен и плачей, причем редакция выражает сожаление, что не все записи удалось напечатать.

«Приложение» — «Голоса песням и плачам свадебным», в котором были помещены четыре мелодии свадебного «вопа». Так впервые в истории собирания народного плача стало возможным зафиксировать его напевы, но только свадебные и притом крайне приблизительно и схематично.

Сведения о причети с публикацией ее образцов в то время были разбросаны по разным журналам, заметкам, статьям, потому, вероятно, и не привлекали к себе внимания. Правда, еще в конце 1840-х годов попытались собрать воедино материалы по русской этнографии: составитель свода «Быт русского народа» (в семи частях) А. Терещенко механически свел чужие описания без особого их отбора и большей частью даже без ссылок на источник. И тем не менее книга Терещенко стала ценной для своего времени, ибо до толе разрозненные сведения были наконец-то собраны воедино. Недаром к ней обращались как к источнику информации, своеобразному справочнику. В разделах, посвященных русским свадебным и погребальным обычаям, Терещенко говорит о причитаниях и даже приводит образцы, неизвестно когда, где и кем записанные. Автор не всегда точен в употреблении термина «причот», иногда он называет им веснянки и хороводные песни.

Книга Терещенко содержит интересное указание на то, что свадебные причети могут исполняться то плачевой, то невестой, а в некоторых областях хором девушек, и что нередко исполнение свадебного плача драматизировано: «Иногда все девушки поют причитальную песнь, а иногда одна причитальщица, и тогда ей отвечают за невесту»³¹. Терещенко помещает и текст плача причетницы, и ответ ей. Напевам же причетей он уделяет всего несколько слов: «Они вопили на распев»³².

В известной мере «Быт русского народа» подытожил период отдельных, случайных и нередко поверхностных этнографических описаний. В 1850-е годы на смену им приходит собирание планомерное и массовое под руководством научных обществ по специально разработанным программам. Сбором этнографического материала занимается РГО, Академия наук и Общество истории и древностей при Московском университете. Почти одновременно с развертыванием массовой собирательской работы возникает и изучение народной поэзии.

Поначалу это, строго говоря, еще не было и не могло быть настоящим исследованием, но уже в первых попытках осмыслить, организовать, тео-

³¹ Терещенко А. Быт русского народа. СПб., 1848. Ч. 2. С. 127.

³² Там же. Ч. 3. С. 84.

ретически проанализировать огромный материал мы иногда встречаем талантливые гипотезы и догадки, постановку проблем, которые могли быть решены только в дальнейшем.

Поскольку обряд и обрядовая поэзия особенно тесно связаны с современным бытом русского народа и его историческим прошлым, с народным миропониманием, они становятся одним из основных объектов внимания ученых. И последних не останавливает то, что собранных материалов пока недостаточно для теоретических обобщений. Естественно, что в исследованиях 1850 — начала 1860-х годов народная причеть затрагивается лишь в связи с обрядом (похоронным или свадебным)³³.

Поскольку интерес к обряду, его генезису и развитию сыграл свою роль в сабирании и исследовании причети, стоит остановиться на связанных с изучением обряда теоретических спорах.

Одним из первых со своей точкой зрения на обряд и своими методами его изучения выступил видный деятель РГО К. Д. Кавелин. Поводом послужила книга Терещенко «Быт русского народа», в обширной рецензии на которую Кавелин и изложил свои взгляды³⁴. Он утверждал, что в основании обрядов и поверьй лежат факты быта и истории: «Сначала они не поверье и не обряд, а простое понятие или живое действие». Но проходит время, житейские условия изменяются, а то и исчезают вовсе. И народ, продолжая чтить старые обряды, уже не понимает их первоначального смысла, а «придает постепенно этим памятникам старины значение сообразно с его новым бытом»³⁵.

Это, в свою очередь, вызывает изменение внешней формы обряда, поверья, которые как бы приспосабливаются к новому их пониманию. Поэтому для исследователя важно восстановить прямой, буквальный смысл обряда: «Плачет ли невеста по воле, выражает ли свадебная песнь ее неохоту, страх ехать в чужую, незнакомую сторону — эти символы тоже были в старину живой действительностью и в этом значении являются одним из самых богатых исторических источников... Словом, ищите в основании обрядов, поверьй, обычаяев-былей когда-то живых фактов, ежедневных, нормальных, естественных условий быта, и вы откроете целый исторический мир, который тщетно будем искать в летописях, даже в самих преданиях; ибо народ

³³ Само собой разумеется, исследуется только текстовая сторона причитаний, напевы их еще долгое время не записываются, за редкими и случайными исключениями. Но и эти записи по своему качеству и научной достоверности оставляют желать много лучшего.

³⁴ См.: Отечественные записки. 1848. № 5, 6.

³⁵ Кавелин К. Собрание сочинений. Т. IV. СПб., 1900. С. 35.

иногда не помнит, как жил он в отдаленной старине, и не понимает следов этой жизни в настоящем»³⁶.

Иначе к изучению обряда и обрядовой поэзии подходили представители «мифологической школы» в этнографии. Они объясняли возникновение верований, обычая, преданий историей языка, считали, что именно язык в древнейший, эпический период дал жизнь мифологии, сопровождаемой обрядами и другими формами поэзии. Крупнейшим теоретиком этого направления в России был Ф. Буслаев, который в своих научных трудах, статьях и лекциях уделял большое внимание как обряду, так и обрядовым причетам (похоронным и свадебным).

Буслаев отстаивает исключительно обрядовое происхождение плачей, «испокон веков служащих выражением тоски и горя»³⁷ и оставшихся в сущности своей неизменными до настоящего времени. А поскольку в эпический период жизни верования, обычай и обряд господствуют над отдельной личностью и дают ей готовые формы для выражения чувств, то «русские причитания стоят выше личного выражения скорби»³⁸. В лекциях, прочитанных в 1860 году цесаревичу Николаю Александровичу, Буслаев утверждал: «Причитания или вопли то в прозаической, то в стихотворной форме составляют целый отдел народной поэзии, в которой глубина и искренность чувства принимают ровное и невозмутимое течение обрядового плача»³⁹. Поэтому причитание — первая и низшая ступень в поэтическом выражении чувств.

Итак, обрядовое происхождение, эпический характер, обобщенные канонизированные формы выражения горя, неизменные на протяжении веков, первая и низшая ступень в выражении чувств — таков вклад Ф. Буслаева в теоретическое изучение русской причети⁴⁰.

Другой видный представитель русской мифологической школы — А. Афанасьев — отводит причитаниям крайне незначительное место в своем основном труде «Поэтические воззрения славян на природу». Относя

³⁶ Кавелин К. Собрание сочинений. Т. IV. СПб., 1900. С. 50.

³⁷ Буслаев Ф. Исторические очерки русской народной словесности и искусства. СПб., 1861. С. 50–51.

³⁸ Лекции Ф. И. Буслаева Е. И. В. Наследнику Цесаревичу Николаю Александровичу (1859–1860) // Старина и новизна. 1904. Кн. 8. С. 213.

³⁹ Там же. С. 209.

⁴⁰ Буслаев осознавал недостаток фактического материала для более глубокого и обоснованного исследования. Он говорил, что русская причеть еще ждет своего собирателя.

плачи к лирической поэзии, Афанасьев утверждает, что они подверглись с течением времени «значительному подновлению» и именно поэтому ничего не дают для науки: новые наслаждения вытеснили «любопытные указания на старинные верования и давно отживший быт»⁴¹.

Из исследователей 50–60-х годов XIX века, хотя бы мимоходом коснувшихся вопросов, связанных с русской причетью, можно назвать А. Котляревского. В своей магистерской диссертации «О погребальных обычаях языческих славян» (М., 1868) он публикует ряд исторических свидетельств бытования похоронной причети в отдаленные времена, в том числе приводит и текст причитания XVI века.

Таким образом, вплоть до 70-х годов XIX века русская фольклористика сделала крайне мало в области изучения причети. Необходим был приток нового, свежего фактического материала, который обратил бы внимание на этот жанр народного творчества и послужил бы стимулом к его серьезному научному исследованию.

Первой «ласточкой», возвестившей о приближении нового периода в области сабирания и изучения народных плачей, явилось собрание песен П. Рыбникова. Сосланный в Петрозаводск в 1859 году, Рыбников в течение двух лет объездил Олонецкий край, записывая песни, заплачки, духовные стихи и былины. Уже в первой половине 60-х годов он издает около 80 свадебных и 10 похоронных воплей. Не довольствуясь этим, в «Заметке сабирателя», помещенной в третьем томе первого издания, он сообщает о причети ряд сведений этнографического характера: говорит о большом месте причитаний в быту народа северного края, о роли и огромном общественном авторитете выдающихся воплениц.

Но публикация записей северной причети осталась в тени благодаря величайшему открытию, изумившему весь ученый мир, — открытию Рыбниковым на Севере живой эпической традиции. Правда, последнее возбудило у фольклористов особый интерес к северным районам России. И именно здесь несколько позже возникло собрание, давшее замечательный материал по русской причети, который стимулировал ее изучение.

Речь идет о «Причитаниях Северного края» Е. В. Барсова⁴², учителя петрозаводской гимназии, записавшего замечательные по своей художествен-

⁴¹ Афанасьев А. Поэтические воззрения славян на природу. Т. 1. М., 1865. С. 45.

⁴² Барсов Е. Причитания Северного края. Ч. 1: Плачи похоронные, надгробные и могильные. М., 1872; Ч. 2: Плачи завоенные, рекрутские и солдатские. М., 1882; Ч. 3: Плачи свадебные, заручные, гостиные, баеные. М., 1886.

ной ценности образцы от уроженки Олонецкой губернии, выдающейся вопленицы Ирины Андреевны Федосовой. Имя Федосовой приобретает широкую известность. Она приезжает в столицу, где ее слушают и записывают не только фольклористы-этнографы, но и писатели, композиторы. Эта одаренная исполнительница раскрыла перед петербуржцами народный плач в его живом звучании — и раскрыла как явление не только бытовое, но и гражданское.

Барсов сам отмечал разницу между своим трехтомным трудом и случайными записями предшественников: впервые притчерь становится целью собрания, впервые она «является в такой полноте и разнообразии, что дает возможность понять ее внутреннее значение для народной истории и литературы»⁴³.

Каждая часть трехтомного собрания Барсова посвящена одному из жанров притчи. Издание было тщательно подготовлено, публикация текстов сопровождалась комментариями, первая и вторая части начинались вступительными статьями, в конце каждого тома помещался северорусский словарь с общими замечаниями о языке притчаний, сообщались сведения об исполнителях. Тут же прилагалось подробное описание обряда, который сопровождался приводимыми плачами.

К сожалению, собиратель из-за отсутствия музыкальной подготовки не смог записать напевы северных плачей, хотя прекрасно понимал их ценность, своеобразие и необходимость всестороннего и глубокого изучения притчи: «Изучение музыкальных народных голосований имело бы значение не для одного искусства; оно необходимо повело бы к разъяснению самого народного песнетворчества и стихосложения, которые в своем течении всегда развиваются под непосредственным влиянием музыкальных мотивов и мелодий»⁴⁴.

Собирателю пришлось ограничиться кратким описанием мелодики плачей и указанием на резкое отличие напевов свадебной и погребальной притчи: «Напевы погребальных плачей, собранные в Олонецкой губернии, резко отличаются как от свадебных голосований, так и от обычных в других местах надмогильных всхлипываний и рыданий. Мотивы их очень просты, тихи и заунывны, глубокая древность их дает чувствовать себя непосредственно, особенно в плачах Ирины Федосовой. Пение ее вращается на трех-четырех нотах, но оно поражает оригинальностью переходов. В стихах, состоя-

⁴³ Барсов Е. Притчания Северного края. Ч. 1. С. X.

⁴⁴ Там же. С. XXXI.

ших из 12 и 13 слогов, при пении последние два слога отсекаются и, так сказать, замирают на устах»⁴⁵.

Выход в свет уже первого тома «Причитаний Северного края» вызвал многочисленные отклики. Из них наиболее интересны статьи А. Н. Веселовского. Первая появилась в том же 1872 году в журнале «Беседа»⁴⁶. Она обращала внимание будущих исследователей погребального плача на драматизм содержания и формы плача по умершему. Веселовский писал: «Независимо от правильного ведения диалогов во многих произведениях, от этого чередования грустных сетований главного действующего лица с уговорами и убеждениями присутствующих, которые его унимают, в самом рассказе, в изображении минувшей жизни покойного или неприглядной будущности его семьи заметно живое драматическое движение. Страсть к олицетворениям и драматической форме доходит в некоторых причитаниях до замечательных размеров»⁴⁷.

Автор указывает на обряды, связанные с «появлением» умерших в кругу семьи, и называет их отголосками еще языческих погребальных действ с перерожжением, символизирующим таинственное превращение человека по смерти. Среди прочих примеров он указывает на плач невесты-сироты, которая в день свадьбы будто бы встречает своих родителей: «слышит» шаги на крыльце, выходит навстречу, приглашает в избу, угощает и т. п. «Мы не думаем видеть в свадебных обрядах, погребальных и рекрутских причитаниях, народных фарсах и игрищах окончательно сложившихся, ясно осознанных форм драмы, — замечает ученый, — но полагаем, что закрывать на них глаза из-за того только, что им, при неблагоприятнейших в мире условиях, не удалось превратиться во что-либо подобное народным драмам или комедиям Запада, было бы необдуманно»⁴⁸.

В следующем, 1873 году Веселовский вновь обращается к собранию Барсова: в журнале «Russische Revue» он помещает еще одно исследование текстов плачей по умершим (на немецком языке)⁴⁹. Ученый использует олонецкие причитания для доказательства самобытности русского эпоса. Оче-

⁴⁵ Барсов Е. Причитания Северного края. Ч. 1. С. X.

⁴⁶ Веселовский А. Н. Причитания Северного края, собранные Е. В. Барсовым. Ч. 1 // Беседа. 1872. Кн. V. С. 97–102.

⁴⁷ Там же. С. 98.

⁴⁸ Там же. С. 100.

⁴⁹ Die neueren Forschungen auf dem Gebiete der russischen Volkspoesie von Pr. A. N. Wesselofsky // Russische Revue, 1873, 12. Heft, St. Peterburg.

видно, рассмотрение северной притчи под углом зрения взаимосвязи ее с эпической поэзией вызвано горячими спорами вокруг вопроса о происхождении былин.

Это было время широкого интереса западноевропейской и особенно немецкой филологии к русским фольклорным материалам. Статья Веселовского прочно ввела в европейскую науку имя и плачи Федосовой. Но у себя на родине ученый не завоевал приверженцев, хотя он, по существу, заново поставил задачу изучения притчаний, по-иному подошел к проблематике исследования жанра. Острая политическая обстановка в России способствовала отношению к плачу как к рупору общественных настроений крестьянства, что надолго отвлекло исследователей от изучения его художественного стиля.

Среди рецензий на труд Барсова интересны также отзывы Л. Майкова. Одним из первых Майков поднимает вопрос о роли личного творчества в притчаниях, видя в Федосовой явление исключительное, а в ее плачах «нечто большее, чем обыкновенные народные притчания»⁵⁰. Впоследствии ряд исследователей будут придерживаться этой точки зрения и считать плачи Федосовой выходящими за рамки традиционных⁵¹. Азадовский назовет их даже стоящими на рубеже устной и письменной поэзии и в этом отношении поставит олонецкую вопленицу рядом с автором «Слова о полку Игореве»⁵².

Успех «Причтаний Северного края» Барсова явился стимулом для других собирателей. Мелодия свадебного плача попадает даже в сборник Пальчикова (1888) в раздел «Свадебные песни», хотя целью собирателя была запись хоровой песни. Напев плача является единственным одноголосным напевом сборника. Очевидно, составителю свадебная песенность без притчаний представлялась уже неполной.

С именем Ирины Федосовой связано возникновение еще одного собрания притчаний — трехтомного «Описания русской крестьянской свадьбы» О. Х. Агреневой-Славянской⁵³. По тщательности записи приводимые ею тексты не могут быть поставлены в один ряд с текстами былин, изданных

⁵⁰ Майков Л. Рецензия, оттиск из отчета о 28-м присуждении наград графа Уварова. СПб., 1886. С. 10.

⁵¹ См.: Грузинский А. Литературные очерки. М., 1908; Азадовский М. Ленские притчания. Чита, 1922. Об этом же в устной форме говорил и советский фольклорист Б. М. Добровольский.

⁵² Азадовский М. Ленские притчания. С. 18.

⁵³ Агренева-Славянская О. Х. Описание русской крестьянской свадьбы. Ч. 1. М., 1887; Ч. 2. Тверь, 1887; Ч. 3. Тверь, 1889.

Гильфердингом, а возможно, и с плачами из собрания Барсова. Но публикация Агреневой-Славянской замечательна тем, что параллельно текстам ею были записаны мелодии причитаний свадебных, похоронных, рекрутских. Так впервые появилось собрание напевов северного русского плача.

Конечно, эти записи еще очень несовершенны. Но их систематизация и сравнительный анализ позволяют сделать некоторые выводы. Так оказывается, что каждая из воплениц, от которой производилась запись (Ирина Федосова, нищая Ульяна из Петрозаводска, мещанка А. Чуева из Шуи), причитала на два-три типовых напева, причем Федосова использовала один из напевов плачей по умершим и для гоношений невесты.

Краткость, схематизм и очевидная неточность слуховой записи делает наши выводы зыбкими, тем более что собиратель нередко предписывает исполнение плача на один и тот же напев, не меняющий даже свою высоту, разным лицам: то Федосовой, то нищей Ульяне, то Чуевой. Это — или явная ошибка в паспортизации плача, либо свидетельство того, что тексты плачей записывались не с пения, а с пересказа, и раз зафиксированные мелодии потом подгонялись к тем или иным моментам обряда (отсюда и искусственность некоторых подтекстовок). Можно еще предположить, что певицы переняли друг у друга причетные мелодии: запись плачей и песен производилась в имении Агреневой-Славянской, где, как известно, подолгу жили и Федосова, и нищая Ульяна. Но последнее соображение кажется маловероятным. Во-первых, слишком близки и постоянны даже по высоте вариации одного и того же напева для исполнения разными людьми из разных районов России⁵⁴. Во-вторых, опыт современных полевых исследований показывает, что местный напев плача похоронного или свадебного обрядов настолько крепко врезается в память и сознание, что крестьяне нередко эмоционально не реагируют на чужие им причетные мелодии. «Они плачут, а нам не жалко», — говорят женщины об исполнении причитаний в соседних местах. Даже после переезда в другую область люди хранят верность напевам своей родной деревни.

Контрастность мелодического стиля плачей, опубликованных в «Описании русской крестьянской свадьбы», тоже свидетельствует о несходстве

⁵⁴ Составитель еще не осознал необходимость точной паспортизации записей. Указания имен исполнителей не точны. Осталась таинственной фигура «нищей Ульяны из Петрозаводска», непонятно, почему большая часть записанных от нее плачей названа «вариантами Вологодской губернии».

причетных напевов воплениц, гостивших в тверском имении Славянских. Так, плачи по умершим, записанные от Федосовой, интонированы ею на напевы либо в диапазоне малой терции с нижней большой секундой, либо в объеме гексахорда мажорного наклонения. Основной же напев ницей Ульяны отличается широким (октавным) диапазоном, полутооновыми повышениями, минорным колоритом.

Мелодии причитаний свадебной драмы более разнообразны, но поскольку составитель в первых двух частях своего собрания не паспортизирует отдельные причети, мы не можем судить, какие из них принадлежат Федосовой, какие — Ульяне. Нами выделено шесть групповых напевов свадебного плача: кроме первого, все являются краткими одностroчными по форме мелодиями речитационного склада, близкими по стилю гоношениям по умершим. Их ладовые структуры (попевки в объеме терции, терции с субквартой, в квинтовом диапазоне) чрезвычайно характерны именно для древнейшего слоя славянской песенности, к которому, очевидно, примыкает и причеть. Преобладание нисходящего мелодического движения, типичность дактилического окончания, подчеркивание (нередко троекратное) заключительного звука напева выступают как стилевые черты русского северного плача. Поэтому, несмотря на краткость (всюду приводится только первая строчка напева) и схематизм записей плачевых напевов, обнародованных Агреневой-Славянской, они все же дают известное представление о мелодической природе русских причитаний.

В конце XIX века значительное число напевов северных русских плачей появляется в сборниках «Песни русского народа» Ф. Истомина — Г. Дютша (1886) и Ф. Истомина — С. Ляпунова (1893). Правда, достоверность записи свадебных причетей в собрании Ф. Истомина и Г. Дютша вызывает некоторое сомнение. Петрозаводский купец Василий Дмитриевич Лысанов, большой знаток и любитель старинных обрядов и песен — человек, выросший в деревне и впоследствии опубликовавший подробное описание местной свадебной игры с песнями и причетами⁵⁵, одним из первых указал на недобросовестность работы участников экспедиции, при нем приезжавших в Сенную Губу. Проверка черновиков полевой работы⁵⁶ подтвердила, что Истомин записывал тексты не с пения, а с пересказа. Со своей стороны, Г. Дютш

⁵⁵ Досюльная свадьба, песни, игры и танцы в Заонежье Олонецкой губернии, собрано и изложено в драматической форме В. Д. Лысановым. Петрозаводск, 1916.

⁵⁶ Проверку проводил профессор Е. В. Гиппиус в архиве РГО.

фиксировал мелодии тоже отдельно, без текста. Поэтому напев и слово соединялись произвольно, отсюда — неверность многих подтекстовок, схематизм и неточность мелодической записи.

А. Максимов, нотировавший песни и причети в собрании Лысанова, писал по этому поводу Н. И. Привалову: «Что же касается того, что Вы как член Императорского Географического Общества огорчены тем, что автор Лысанов затронул авторитет Истомина и Дютша, то по этому поводу я с ним говорил и раньше, но пришлось убедиться, что мелодии песен действительно не так поются в Заонежье, как записано у Истомина и Дютша... Есть петрозаводские, еще несколько человек из Заонежья, и все поют песни так, как они записаны у Лысанова, а тех и не признают. Как это ни печально, но это факт»⁵⁷.

В сборнике Ф. Истомина и С. Ляпунова напевы плачей, как и напевы песен, записаны значительно более точно. Это подтвердили современные экспедиции, в том числе и наши поездки в бассейны Кокшеньги, Сухоны и Юга. Истомин и Ляпунов не углублялись в захолустья Вологодской губернии: они проплыли по Сухоне до Устюга Великого, позднее спустились к Никольску по почтовому тракту, обойдя междуречье Сухоны и Юга по его речной границе. Но Ляпунову удалось записать важнейшие типовые напевы причитаний, бытующих в этом районе. Интересно и то, что большая часть плачей, опубликованных во втором сборнике «Песен русского народа» (СПб., 1899) — восемнадцать из двадцати — являются вологодскими, хотя собиратели работали также в Вятской и Костромской губерниях.

По значению к экспедициям Песенной комиссии (Истомина — Дютша и Истомина — Ляпунова) примыкает материал, собранный в 1901 году А. Марковым и А. Масловым в Архангельской губернии и опубликованный в «Трудах Музыкально-этнографической комиссии»⁵⁸. Собиратели уже пользовались фонографом для записи ряда напевов, в том числе двухголосного свадебного причитания девушки (т. 2, с. 72).

А. Марков и А. Маслов заметили впервые, что все свадебные плачи села Нижняя Зимняя Золотица (Зимний берег Белого моря) поются дважды: «невестою — на один мотив, а вслед за тем другой раз плачениями — на другой

⁵⁷ Цит. по оригиналу письма, вклейенного в экземпляр книги «Досюльная свадьба» В. Д. Лысанова с дарственной надписью И. Привалова. Этот экземпляр был приобретен Е. В. Гиппиусом после кончины Привалова у его вдовы.

⁵⁸ Известия ОЛЕАЭ. Т. 113; Труды Музыкально-этнографической комиссии. Т. 1. М., 1906; Т. 2. М., 1911.

мотив»⁵⁹, и обратили внимание на бытование причетных напевов-формул, на которые причитывают «на разные случаи почти без всяких отличий»⁶⁰.

На рубеже XIX и XX веков делается очередная попытка свода фольклорных материалов — в работе П. Шейна «Великорусс в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах» (СПб., 1900–1902). Вместе с описанием свадебного и похоронного обрядов в этот свод попадают и тексты причитаний из различных губерний России.

Новый этап в собирании музыкального фольклора наступает в конце XIX века в связи с использованием фонографа. Впервые становится возможной точная фиксация напевов. Техника и качество музыкальных записей сразу возросли необычайно.

Одной из первых использует фонограф для собирания напевов песен Е. Э. Линёва. В 1897 году она начинает ряд систематических поездок по России, результатом которых стали «Великорусские песни в народной гармонизации»⁶¹. Заслугой Линёвой является то, что она впервые указала на необходимость *одновременной* записи мелодии и текста песни: «Для народного певца текст немыслим без напева, а напев без текста... Это правило должно быть священно и для собирателя. Если он отступает от этого правила, запись его не может быть точна ни в музыкальном смысле, ни в литературном»⁶².

Поскольку главной целью Линёвой была запись многоголосной песни (для демонстрации возможностей фонографа) и она хотела представить в своем небольшом собрании «ряд примеров разнородных песен с сохранением их характерных особенностей», неудивительно, что среди различных песенных жанров помещен только один свадебный причет. Даже беглого взгляда достаточно, чтобы понять, что по тщательности, вниманию к мельчайшим мелодическим и ритмическим ячейкам и их варьированию при повторении (а записано пять строф, тогда как раньше в лучшем случае приводилась одна!) эта запись не имеет аналогий в прошлом. Здесь отражена и характерная особенность некоторых областных традиций исполнения плача: «договаривание» двух последних слогов стиха, завершение плача взглазом «ох!», сопровождаемым рыданиями.

⁵⁹ Труды Музыкально-этнографической комиссии. Т. 1. С. 145.

⁶⁰ Там же.

⁶¹ Первый выпуск вышел в 1904 году, второй — в 1909-м.

⁶² Линёва Е. Великорусские песни в народной гармонизации. Вып. I. СПб., 1904. С. V.

Записи Линёвой еще более усилили интерес к музыкальной стороне народного творчества. В 1901 году при этнографическом отделе Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии (ОЛЕАЭ) формируется Музыкально-этнографическая комиссия, в работе которой приняли участие ряд видных музыкантов и собирателей. Главной задачей комиссии было поставить «изучение русской народной песни... на наиболее верную почву, именно в тесную связь с ее музыкальной стороной»⁶³. Поэтому в экспедициях комиссии участвовали и музыканты.

В 1901 году состоялась поездка А. Маркова и А. Маслова в Архангельскую губернию с целью собирания былин, духовных стихов, причитаний и обрядовых песен. Напевы записывались частично на слух, частично с помощью фонографа. Отчет об этой экспедиции с публикацией собранного материала появился в «Трудах Музыкально-этнографической комиссии». Знаменательно, что причитания при публикации были уже выделены в самостоятельный раздел (после духовных стихов и былин). А ведь недавно свадебная причеть появлялась лишь как часть свадебной песенности!

В изучении плачей собиратели ставили задачи и чисто музыкальные: они подчеркивают, что «плачи, как остаток глубокой старины, в музыкальном отношении представляют также интересный материал для уяснения основ древнерусской народной музыки»⁶⁴. Крайне важным представляется указание на то, что в исследованных районах для плачей существует небольшое количество типовых напевов, на которые и причитывают «на разные случаи почти без всяких отличий»⁶⁵. Так, впервые в исследовательской литературе затрагивается, хотя еще слегка, вопрос о формульности причетного напева (подробность, крайне существенная для ряда местных традиций!) — авторы сборника просто констатировали факт интонирования ряда причетных текстов на один и тот же напев, видимо, не придав этому значения.

Напевы плачей все еще продолжали играть роль *приложения* к текстам, они даже печатались отдельно, после текстов в конце собрания. И если филолог считал необходимым записывать текст целиком, с вариантами, то музыкант-собиратель приводил лишь одну строку напева в качестве образца

⁶³ Янчук Н. Вступительная записка об изучении народной песни и музыки и о деятельности Музыкальной этнографической комиссии. Т. 1. М., 1906. С. 2.

⁶⁴ Труды Музыкально-этнографической комиссии. Т. 1. С. 117.

⁶⁵ Там же. С. 145.

для ряда текстов. Необходимость исследования развития напева в течение всего плача, а также сравнительного изучения его вариантов с разными текстами и у разных исполнителей еще не была осознана.

До начала войны 1914 года публикуется еще много этнографических описаний с текстами причетов, иногда и с образцами напевов.

Уроженец Севера, Н. Шайжин вводит в русскую фольклористику имена таких воплениц, как Богданова, Конихина, Ланева. Ряд небольших работ этого собирателя о северной причети выходят в течение 1902–1911 годов.

В 1910 году в «Живой старине» появляется развернутый очерк М. Едемского «Свадьба в Кокшеньге»⁶⁶. В нем поэтическая сторона свадебного причетного цикла, вообще очень развитого на Вологодчине, представлена в необычной для подобного рода описаний полноте. Но подробная запись хода свадебной игры и текстов песен и плачей не дает ни малейшего представления о музыкальной стороне одного из местных вариантов вологодской свадьбы.

Обширное собрание Б. и Ю. Соколовых «Сказки и песни Белозерского края» (теперь — западная часть Вологодской области), в котором приведено около полутораста текстов причитаний, тоже не содержит ни одного напева. Правда, собиратели оговорили отсутствие мелодий в предисловии: «Мы не прилагаем в нашей книге нот с записанными нами при посредстве фонографа напевами, их мы надеемся выпустить отдельным изданием»⁶⁷. Но обещанный музыкальный сборник так и не появился.

Начало войны 1914 года заметно усиливает интерес к рекрутской причети. Появляются собиратели, которые пользуются злободневностью этой темы. Так, некто И. Ульянов в течение 1914 и 1915 годов публикует ряд статей и заметок с описаниями проводов крестьянина на войну и текстами рекрутских плачей. Довольно откровенно заявив, что он не намеревается «касаться причитаний с точки зрения современного научного фольклора» и предоставляет «ученым-специалистам выяснить ценность этих причитаний и связанных с ними обрядов»⁶⁸, автор ищет в тексте плачей лишь доказательства храбрости и непобедимости русского солдата, всегда готового сра-

⁶⁶ Живая старина. 1910. Вып. 1–4.

Кокшеньга — ныне Тарногский район Вологодской области.

⁶⁷ Соколовы Б. и Ю. Сказки и песни Белозерского края. Пг., 1915. С. VI.

⁶⁸ Ульянов И. Воин и русская женщина в обрядовых причитаниях наших северных губерний. Пг., 1915. С. 234.

жаться за Отчизну, Царя и Веру. Немудрено, что причитания, рисующие тяготы солдатской службы, автор считает пережитками прошлого и опускает в своей работе.

Несмотря на такую тенденцию, статьи Ульянова все же дают богатый материал, так как помимо авторских домыслов содержат подробное описание обычая проводов в рекруты с развернутыми текстами воплей всех участников действия⁶⁹.

Таким образом, к 1917 году общая картина состояния сбиивания и изучения русской причети представляется следующей: в различных изданиях — периодических и отдельных, центральных и краевых — публикуется множество наблюдений, описаний свадебных и похоронных обрядов с текстами плачей. Огромная часть собранного материала остается неизданной и хранится в архивах центральных и краеведческих организаций. Научная ценность собранного невысока: виною случайность, бессистематичность сбиивания (записи делаются этнографами-любителями — учителями, священниками, семинаристами, студентами и т. п.). Тексты плачей нередко «исправляются» сбираителями-дилетантами, которые приспосабливают их к своим описаниям обряда. Часто приводится только несколько строк плача без указания исполнителя, места и времени записи. Тексты записываются без напевов. И крайне редки случаи, когда в качестве дополнения к картине местного обряда прилагается образец напева причета.

Поэтому невысок уровень и теоретического изучения поэтической стороны жанра⁷⁰. К тому же, если собирается главным образом свадебная «плачь», то исследуется только похоронная и под определенным углом зрения: как осколок старинного, исконного плачевого жанра (вспомним Буслаева, Майкова), сохранившего следы древнего, дохристианского мировоззрения⁷¹.

Украинская фольклористика в этом отношении несколько опередила русскую. На Украине интерес к народным плачам был глубже и устойчивее.

⁶⁹ Правда, тексты эти сомнительны по достоверности, по точности записи. М. Азадовский считает, что они явно «облитературенные» и записаны «без соблюдения основных научных требований» (см.: Азадовский М. Ленские причитания. Чита, 1922. С. 3).

⁷⁰ Отдельные исключения (собрание Барсова, статьи А. Н. Веселовского и др.) не меняют общей картины.

⁷¹ См.: Успенский Д. Похоронные причитания // Этнографическое обозрение. 1892. № 2—3; Зеленин Д. Очерки русской мифологии. Пг., 1916. Вып. 1; Соболев А. Загробный мир по древнерусским представлениям. Сергиев Посад, 1913) и др.

Среди украинских исследователей причети надо назвать прежде всего В. Данилова, поскольку в своих работах он касался и русских (в основном северных) причитаний, сопоставляя их с украинскими (южнорусскими) плачами.

Именно Данилов указывает на основной недостаток научной фольклористики в изучении плачей: оценку последних только со стороны их бытового содержания, тогда как художественная форма плача не менее достойна внимания. Его статья «Одна глава об украинских похоронных причитаниях»⁷² является образцом исследования причети по умершим как жанра поэтического творчества.

Только после Великой Октябрьской революции появляются работы, посвященные поэтике русских плачей. Музыкальная же сторона причитаний остается в тени и в практике собирателей, и в исследованиях фольклористов-теоретиков.

Из публикаций первых лет советской власти следует выделить сборник М. Азадовского «Ленские причитания». Его составитель обращает внимание сибирских этнографов на огромное значение материалов похоронной лирики. В связи с этим центром сборника становится публикация текстов плачей по умершим. Вступительная же статья, несмотря на свою развернутость, помимо беглого обозрения истории исследования жанра, содержит лишь общий обзор поэтических мотивов ленских причитаний. Отмечая недостаточную научную разработку причети, автор сам ограничивается постановкой основных, по его мнению, проблем в изучении поэтики русского плача: соотношение традиции и импровизации, роль личного творчества, взаимовлияние плачей по умершим и иных народно-песенных жанров.

Сборник Азадовского не содержит ни одного напева, автор даже не упоминает о музыкальной стороне сибирских гоношений.

Во второй половине 20-х годов секция изучения крестьянского искусства Социологического комитета ГИИИ (Ленинград) организует комплексную экспедицию на север европейской части СССР. В 1926 году эта экспедиция в составе двадцати (!) человек направляется в Заонежье и Карелию, в 1927 году — в Пинежско-Мезенский район. В работе ее музыкальной секции принимали участие А. Финагин, З. Эвальд и Е. Гиппиус. Отчетом экспедиции явились два сборника статей ее участников⁷³. В них получила от-

⁷² См.: Киевская старина. 1905. XI–XII.

⁷³ Крестьянское искусство СССР. Искусство Севера. Вып. 1. Л., 1927; Вып. 2. Л., 1928.

ражение только небольшая часть собранного. Приведены и образцы напевов народных плачей: в первом сборнике — два свадебных (в отрывках), во втором — пинежский групповой свадебный причет.

По словам Е. Гиппиуса и З. Эвальд, составители не преследовали в данном случае задачи публикования материала: приведенные фрагменты рассматривались как пояснения к помещенным в сборниках статьям — «Крестьянская музыка Заонежья» Е. Гиппиуса (ч. 1) и «Песни свадебного обряда на Пинеге» З. Эвальд (ч. 2).

Эвальд сообщает о любопытнейшем образце группового плача трех причетниц, который, подобно свадебной песне, является фоном для гоношения невесты: «То, что мы услышали, — рассказывает она, — по силе впечатления не передаваемо никакими словами. Острота звучания заключается в соединении исступленной речевой интонации невесты и, эпически бесстрастного плетения голосов трех причетниц. Каждая фраза невесты начинается с высокого пронзительного выкрика и постепенно спускаясь (glissando), затихает. Фразы разделены паузами, во время которых хоровая причеть выступает на первый план и с началом новой строфы невеста снова стушевывается, заглушаясь ею. Благодаря этому чередованию получается своеобразная ритмическая пульсация»⁷⁴.

Замечания Гиппиуса и Эвальд при их краткости ценные тем, что они являются, по существу, первыми профессиональными описаниями мелоса причетного жанра. До сих пор литература о музыкальной стороне плачей состояла из отдельных беглых замечаний дилетантов в этой области.

Е. Гиппиус возвращается к жанру причети еще раз в 1935 году. Во вступительной статье к сборнику «Крестьянская лирика» (Л., 1935; из малой серии «Библиотека поэта») он затрагивает некоторые вопросы поэтики свадебных плачей и причитаний по умершим. Поскольку в сборнике публикуются только тексты плачей, автор вводной статьи, по-видимому, не считал возможным рассматривать особенности музыкального интонирования гоношений.

До Великой Отечественной войны тексты причитаний послужили предметом специального рассмотрения еще дважды: в 1937 году в связи с выхо-

⁷⁴ Крестьянское искусство СССР... Вып. 2. С. 185.

Групповой причет в нотной записи (расшифровка Е. Гиппиуса) приведен в «Песнях Пинежья» (М., 1937. С. 517–519).

дом в свет тома «Русские плачи» из большой серии «Библиотека поэта» и в 1940-м в сборнике М. Михайлова «Русские плачи Карелии»⁷⁵.

Вступительная статья к первому из названных изданий написана Н. Андреевым и Г. Виноградовым. Она довольно обширна и посвящена плачам по умершим и рекрутам. Авторы отмечают, что своеобразие свадебных притчаний заслуживает специального внимания и отдельного сборника. Погребальные, поминальные и рекрутские плачи рассматриваются только как необходимая часть обряда и в связи с ним. О существовании лирических, необрядовых притчаний даже не упоминается⁷⁶.

Отметив устойчивость похоронного обряда на протяжении столетий, Виноградов и Андреев утверждают и постоянство основных моментов погребального плача, его неизменность и проникновение в иные жанры народной поэзии — духовные стихи, сказки, песни: «В притчаниях мы имеем дело с поэтическим жанром исключительной жизненности и стойкости. То, что мы находим в XIX и в первой трети XX века, засвидетельствовано в тех же формах, в том же составе для веков весьма отдаленных»⁷⁷.

Однако авторы говорят и об историческом развитии жанра, связь которого с обрядом постепенно ослабевает, в результате чего похоронная притчать все больше и больше становится выражением горя по поводу смерти близкого человека.

Вторым крупным предвоенным собранием, посвященным притчанием, были «Русские плачи Карелии» М. Михайлова. Этот сборник текстов, записанных в конце 30-х годов, предназначался для широкого круга читателей и предварялся двумя развернутыми вступительными статьями. В первой профессор Г. Виноградов рассматривал историю сокириания карельской притчи, привлекая ценный библиографический материал по этому вопросу. Автор второй статьи М. Михайлов давал оценку степени изученности поэтической стороны плачей, отмечая незначительность научной литературы о притчаниях и исключительное внимание исследователей к бытовой (эт-

⁷⁵ Русские плачи (притчания). Л., 1937; Михайлов М. Русские плачи Карелии. Петрозаводск, 1940.

⁷⁶ Для 1920—1930-х годов вообще характерен повышенный интерес к древнейшим периодам истории человечества, к первобытному мышлению, к философии магии и культа. Напомним, что в эти годы на русском языке издаются труды Л. Леви-Брюля, Дж. Фрезера и др. Не случайно в изучении обрядов делается акцент на их магическом происхождении.

⁷⁷ Русские плачи (притчания). С. XII—XIII.

нографической в узком смысле слова) стороне плачей в ущерб историко-литературной, художественной.

Заслугой составителя этого собрания было желание напомнить об одном из жанров причети, несправедливо забытом в течение столетия, — о бытовом, необрядовом плаче. «Насколько нам известно, публикации бытовых плачей чрезвычайно редки, — отмечалось во вступительной заметке, — в нашем сборнике к ним относятся причитания по сыну, увезенному на лечение, А. М. Пашковой, ее же причитание о пожаре, причитания на ужбище наваг и на сенокосе Е. А. Петуховой, причитание П. М. Гордеевой о выходе сыновей из состава семьи, причитания об одинокой доле М. М. Матвеевой и У. Г. Наумовой»⁷⁸.

Михайлов высказывает гипотезу о происхождении бытовых причетей из особого рода поминальных плачей-сетований по случайным поводам. С ослаблением роли обрядового действия в этих плачах отпадает и обращение к умершему — так возникает бытовой причет как традиционная форма горестных размышлений женщины в тяжелые минуты ее жизни⁷⁹.

Подчеркивая близость плачей по умершим и бытовых причитаний, составители сборника поместили их в одном разделе. За ними следуют свадебные причитания. Сборник завершается плачами и сказами о вождях и Героях Советского Союза. Характеризуя это современное преломление жанра, Михайлов отмечает в плачах о вождях и героях усиление сказового элемента, слияние причетной традиции с традицией эпической народной песни и былины. Он предлагает для них и новый термин — «плачи-сказы»⁸⁰. В более широком значении этот термин действительно войдет и в фольклористику⁸¹: в частности, В. Базанов, опубликовавший в 1940-е и 1950-е годы ряд небольших работ о традиционной и современной причети, определит этим термином особенности плачей И. Федосовой и современных гоношений о тяжелой жизни в фашистском плену⁸².

Последние записаны в 1942–1945 годах на освобожденной от немецких захватчиков территории Русского Севера. Экспедиции были организованы в 1942 и 1944 годах Петрозаводским университетом и в 1945 году — НИИ

⁷⁸ Михайлов М. Русские плачи Карелии. С. 3.

⁷⁹ Там же. С. 26.

⁸⁰ Там же. С. 39.

⁸¹ См.: Виноградов Г., Лозанова А. Плачи и сказы // Фольклор Карело-Финской ССР. Вып. 1. Петрозаводск, 1941. С. 105–131.

⁸² Фольклор Советской Карелии. Петрозаводск, 1947. С. 18.

культуры КФССР (позже Институт истории, языка и литературы Карельского филиала АН СССР).

Базанов отмечает, что в эти годы (1942–1945) притчев на Севере имела массовое распространение, ее основные сюжетные мотивы определялись событиями военного времени: проводами на фронт, ожиданием вестей, получением «похоронок», известий о ранениях, разрушением домов и т. п. В Заонежье, население которого за связь с партизанами было согнано в концентрационные лагеря, сложился цикл притчаний о жизни в неволе⁸³. Исполнение этих плачей влекло за собой арест и даже расстрел.

Вызывает сожаление и недоумение тот факт, что из более чем четырехсот записанных плачей *ни один* не был зафиксирован с напевом. Погиб ценнейший материал, так как сам собиратель отмечал забвение этих притчаний и вообще оскудение плачевой традиции в тех же местах уже в первые послевоенные годы⁸⁴.

Тексты притчаний военного времени были собраны и в других районах нашей страны, они появились как в периодической печати, так и в краевых изданиях. Но, к сожалению, эти тексты служили предметом лишь беглого описания, а не научного изучения.

Последующие десятилетия не внесли ничего существенно нового и принципиально отличного как в отношении публикации, так и в изучение русского плача. Может быть, следует выделить соображения, высказанные И. Земцовским и Т. Орнатской.

И. Земцовский выступил в защиту жизненности основных видов притчи, кроме свадебных заплачек: остальные типы притчаний «воспринимаются совершенно естественно в деревенском обиходе, где они способны отразить новые настроения, новые условия жизни»⁸⁵. По наблюдению собирателя, на территории исследованного им района даже дети умели импро-

⁸³ Базанов В. За колючей проволокой. Петрозаводск, 1945.

⁸⁴ Базанов даже предсказывает исчезновение притчи в будущем. По его словам, жизнь этого жанра пролдена войной: «Если бы не вероломное нападение в 1941 году на нашу Родину фашистских захватчиков, то, по всей вероятности, притчания имели бы исключительно историческое значение» (Русская народно-бытовая лирика. М.; Л., 1962. С. 8). С этим трудно согласиться. Очевидно, автор еще не изжил взглядов печального прошлого, когда бесконфликтность была возведена в закон и норму советского искусства, и в научных статьях появились такие суждения, как: «наша действительность придает плачу... более оптимистический характер» (см.: Базанов В. Поэзия Печоры. Сыктывкар, 1943. С. 63).

⁸⁵ Земцовский И. Песенный быт современной костромской деревни // Русский фольклор. Вып. IX. М.; Л., 1964. С. 288.

визировать причитания. Такая стойкость жанра, которому многие предре-кали отмирание, объясняется, по мнению Земцовского, тем, что старая форма причета оказалась способной выразить новое содержание: рекрутский плач превратился в «трогательные материнские напутствия новобранцам»⁸⁶.

Т. Орнатская, наоборот, отмечает полное исчезновение рекрутской причети из народного быта на Севере: «от обычая проводов в рекруты осталась только „развлекательная“ часть: катанье на лошадях с пением специальных частушек, „холостые“ и „семейные“ пирсы»⁸⁷, — и полную сохранность свадебных и похоронных гоношений⁸⁸. Наиболее интересно суждение автора о специфике свадебного плача. Этот жанр Орнатская считает самостоятельным и лишь формально связанным с другими видами причитаний⁸⁹.

Свообразным итогом исследований текстовой стороны народных плачей к началу 60-х годов XX века являются работы К. Чистова: главы о причитаниях в академическом трехтомном издании «Русское народное поэтическое творчество»⁹⁰ и вступительная статья к тому «Причитания» во втором издании «Библиотеки поэта»⁹¹.

Прежде всего, автор затрагивает проблему классификации причети и вытекающее из нее определение жанра: эти вопросы он решает, исходя из важнейшей, по его мнению, черты плачей — их теснейшей *связи с бытом*, с его трагическими моментами.

«Причитания представляют и большой теоретический интерес как явление, стоящее на грани быта и искусства, позволяющее наблюдать всегда таинственную для нас „механику“ возникновения большого искусства на почве самой повседневной, будничной жизни,» — пишет он⁹². Постоянство, повторяемость отдельных явлений в деревенском быту привели к возникновению обрядов и связанных с ними устойчивых циклов причитаний (свадебных, рекрутских и похоронных). Но эти традиционные виды плачей ни в коей мере не исчерпывают всего разнообразия этого жанра народного творче-

⁸⁶ Земцовский И. Песенный быт современной костромской деревни // Русский фольклор. Вып. IX. М.; Л., 1964. С. 289.

⁸⁷ Орнатская Т. Современные записи традиционного обрядового фольклора // Русский фольклор. Вып. IX. М.; Л., 1964. С. 304.

⁸⁸ Речь идет о наблюдениях во время поездок по рекам Вашке, Северной Двине и Онеге, а также в некоторых районах Новгородской и Костромской областей.

⁸⁹ Орнатская Т. Современные записи... С. 296.

⁹⁰ Русское народное поэтическое творчество. М.; Л., 1953–1955.

⁹¹ Причитания. Л., 1960. (Большая серия «Библиотека поэта».)

⁹² Там же. С. 7.

ства. Другие события крестьянской жизни тоже сопровождались причетами, уже не связанными с обрядом. Поэтому Чистов считает, что «под причетью следует понимать элегические импровизации, не имевшие устойчивого текста»⁹³. Следовательно, обрядовый характер причитаний, как частный признак, исключен автором из общего определения жанра.

Проблема генезиса причитаний редко и поверхностно затрагивалась исследователями ввиду сложности и отсутствия материала для ее решения. Но до сих пор точка зрения на обрядовое происхождение плачей была общепринятой. М. Михайлов, который тоже не сводил всю причеть к обрядовой, считал бытовой плач продуктом развития обрядового жанра и, следовательно, явлением более поздним. Отсюда вытекала и довольно часто повторяемая мысль о том, что лиризм плачей — явление тоже позднее, что лирические элементы стали проникать в плач тогда, когда ослабела его связь с обрядом.

Однако Чистов, выступив против общепринятой точки зрения, коснулся этой проблемы мимоходом: «Вряд ли можно согласиться со схемой... согласно которой древнейшие плачи имели чисто магический смысл, — писал он. — Нет никаких оснований предполагать, что древний человек при смерти одного из членов своего рода или племени не испытывал элементарного чувства сожаления и лишь заботился о том, чтобы обезопасить себя от... возможных вредных действий покойника и т. д. Если бы древнейшая причеть не содержала обильных лирических элементов, мы не смогли бы объяснить появление уже в конце XII века великолепной литературной обработки ее — „Плача Ярославны“»⁹⁴. И несколько далее: «Несомненно, что с древнейших времен существовала и внеобрядовая — „бытовая“ причеть, которая не содержала никаких магических мотивов или включала их как нечто второстепенное, сопутствующее»⁹⁵.

Конечно, отсутствие образцов древнейших плачей переносит эту проблему в область гипотез. Количество достоверных записей текстов плачей и их временная, хронологическая отдаленность настолько малы, что не позволяют не только решать вопросы, связанные с генезисом жанра, но и рассмотреть развитие причитаний в какой-то исторической перспективе. Чистов отмечает эту трудность: вплоть до второй половины XIX века пересказы, записи плачей и упоминания о них позволяют судить лишь приблизительно

⁹³ Русское народное поэтическое творчество. Т. 2. С. 450.

⁹⁴ Причтания. Л., 1960. (Большая серия «Библиотека поэта».) С. 11.

⁹⁵ Там же. С. 12.

об общем содержании причитаний. Но и записи последнего столетия мало-достоверны потому, что причеть — жанр в значительной мере импровизационный, плач складывается в момент трагического переживания. Имеющиеся записи отражают лишь попытки восстановить некогда созданное, поэтому-то мы имеем дело обычно не со всем разнообразием похоронных плачей, а в лучшем случае с плачем поминальным или вообще со случайным конгломератом различных мотивов из цикла плачей по умершим. При этом исчезает и бытовая, конкретная наполненность плача, остаются лишь «общие места». Это, по мнению Чистова, и привело некоторых исследователей (например, Г. Виноградова) к ошибочному выводу о неизменности жанра причитаний на протяжении столетий⁹⁶.

Рассматривает Чистов и классификацию внутри отдельных видов причитаний: каждый обряд сопровождается циклом плачей, зачастую очень различных по характеру, кругу образов и поэтике (среди плачей по умершим — плачи-вопросения, оповещения, плачи по дороге на кладбище, поминальные и другие, среди свадебных — говорные, гостебитные, баенные и проч).

Характеризуя поэтику причети, Чистов не идет дальше самых общих положений. Причину своеобразия языка он видит в бытовом назначении жанра, который служит для выражения чувств в напряженнейшие жизненные моменты. Отсюда экспрессия, повышенная эмоциональность языка, что достигается обилием вопросительно-восклицательных конструкций, повторениями, особой ролью эпитетов, системой приставок, суффиксов и т. д.

Вопросу взаимовлияния причитаний и других жанров фольклора уделено еще меньше внимания. Автор ограничивается перечислением тех видов песен, которые иногда включают элементы, мотивы плача (лирические, исторические, солдатские).

Наибольшее место отведено характеристике творчества выдающихся воплениц, прежде всего И. Федосовой. Но тексты плачей анализируются лишь со стороны этнографической: Чистова интересует главным образом социальная природа плача, отражение в них настроения крестьянства пореформенной поры и «противоречий между беднейшими слоями и деревенской буржуазией»⁹⁷.

⁹⁶ Эти соображения автора нельзя с такой же уверенностью отнести к причети свадебной, как жанру гораздо более условному. Чистов обходит молчанием эту сторону вопроса. При общих теоретических рассуждениях он имеет в виду плач по умершему.

⁹⁷ Русское народное поэтическое творчество. Т. 3. С. 190.

Подвести итог собиранию и изучению мелодики плача, к сожалению, много легче. Филологи-фольклористы совершенно не касались напевов причитаний ни в собирательской, ни в исследовательской работе, хотя о нерасторжимости поэтики и мелоса в произведениях фольклора писалось еще в конце XIX века. Музыкovedы-фольклористы записывали и текст, и напев причети, но эти записи были случайны и разрозненны.

Вплоть до 1970-х годов напевы причитаний попадали в песенные сборники изредка и в незначительном числе (2–3 на сборник). Не составляют исключения и публикации материала из северных районов нашей страны, где причетная традиция особенно полнокровна⁹⁸. Это — два похоронных и два свадебных напева в сборнике Л. Христиансена «Уральские народные песни» (М., 1961. № 55, 56, 70, 71), два свадебных причета в «Гдовской старине» Н. Котиковой (Л., 1962. № 25, 38), три свадебных напева в «Песнях Печоры» (М.; Л., 1963. № 129, 130, 306); в сборниках 1966 года — один похоронный и один свадебный напев в «Народных песнях Псковской области» Н. Котиковой (№ 106, 113), три свадебных плача в «Народных песнях Кировской области» И. Мохирева, В. Харькова, С. Браз (№ 70, 78, 97), четыре свадебных причетных напева в «Русских народных песнях Поморья» С. Кондратьевой (№ 95–98), два свадебных, рекрутский и плач по умершему в «Песенном фольклоре Мезени» (Л., 1967; № 200–203), четыре похоронных и шесть свадебных напевов в «Торопецких песнях» И. Земцовского (Л., 1967. № 60–63, 44–49), семь свадебных причетей (одна из них — совместный плач невесты и ее матери на фоне песни девушек) в сборнике И. Ельчевой «Народные песни Ивановской области» (Иваново, 1968. № 88–93, 95), напев свадебного приплакивания в «Русских свадебных песнях» Д. Балашова и Ю. Красовской (Л., 1969. № 1, 14), три свадебных причети в сборнике «Русские народные песни Карельского Поморья» (Л., 1971. № 170–172). Всего 43 напева.

А между тем собранный материал не так уж мал: в Государственном фонограммархиве (ИРЛИ, Ленинград), в кабинетах народной музыки Московской и Ленинградской консерваторий, Института им. Гнесиных (Москва), в частных фольклорных собраниях, в Фольклорной комиссии СК находятся десятки и сотни записей. Но большая их часть не публикуется, иногда даже не расшифровывается. Как показало ознакомление с некоторой частью собранного, качество записи нередко невысоко, что, конечно, затрудняет даль-

⁹⁸ Граница северных и южных песенных стилей в литературе не установлена точно, я ограничиваюсь материалом, записанным в зоне севернорусских говоров.

нейшую работу с материалом. Особенно это относится к фонографическим фиксациям. По существу, только использование магнитофона создало широкие возможности для настоящей собирательской работы в области мелодики плача. Но эти возможности используются еще недостаточно.

Следствием является неизученность музыкальной стороны причитаний и влияния напевов плача на иные жанры песенного творчества и произведения композиторского искусства.

Роль причетных напевов в формировании языка народной и профессиональной русской музыки подчеркивалась неоднократно. Ф. Рубцов, например, видит в интонациях плача один из истоков русской диатоники. Рассмотрению напевов отдельных причитаний он посвящает несколько страниц своей работы «Основы ладового строения русских народных песен»⁹⁹. «Основной характерной особенностью речевых интонаций повествования и плача является заложенный в самой природе этих интонаций слитный диатонизм»¹⁰⁰, — утверждает он. Напев причета — простейшее музыкальное воплощение этих интонаций. Таков общий вывод автора.

Помимо отдельных попыток характеристики мелодий причитаний в связи с теми или иными задачами исследования, в литературе второй половины XX столетия мы находим и обобщенное музыкально-стилистическое описание этого жанра в учебнике Т. Поповой «Русское народное музыкальное творчество»¹⁰¹. Автор отмечает узкий диапазон, декламационность и отсутствие широкого мелодического развития в большинстве причетных напевов, по структуре одностroчных, состоящих из двух-трех варьируемых попевок. Попова говорит о свободе и естественности музыкального ритма, который является отражением ритма живой человеческой речи, о неустойчивости и высотной неопределенности интонирования некоторых попевок, о непрерывном скользящем движении (глиссандо), передающем интонации всхлипывания, рыдания. К сожалению, при рассмотрении областных разновидностей причета автор опирался в основном на поэтику плачей.

Даже такой беглый обзор истории собирания и исследования русской причети дает возможность не только сделать некоторые заключения, касающиеся классификации, поэтики и некоторых сторон музыкальной стилистики.

⁹⁹ Рубцов Ф. Основы ладового строения русских народных песен. Л., 1964.

¹⁰⁰ Там же. С. 63.

¹⁰¹ Попова Т. Русское народное музыкальное творчество. Т. 1. М., 1962.

тики плачей, но и сформулировать те задачи, которые поставлены перед фольклористами всем предыдущим ходом собирания и изучения жанра.

В области собирания — создание полноценных записей, охватывающих различные местные традиции причитаний. Выявление своеобразия областных традиций — первоочередная задача, решение которой только и может дать цельную картину бытования плача на русской этнической территории.

В сфере исследования ряд проблем уже был поставлен фольклористами прошлого — правда, в изучении поэтической стороны причитаний. Как показал наш обзор, к исследованию плачей подходили по-разному. Для одних причеть была хранителем элементов языческой культуры и первобытных верований, для других — своеобразным документальным материалом прошлого быта и истории, для третьих — прежде всего наиболее социальным жанром, отражавшим современную структуру общества и взгляды крестьянства. И только в редких случаях причеть рассматривалась как создание народной художественной культуры. В этом — главный недостаток предшествующих изучений.

Интересно, что художники (писатели и композиторы) давно почевствовали поэтическую прелесть и своеобразие жанра и разносторонне претворяли в своих произведениях выразительные средства плачей.

Наиболее полно освещены вопросы классификации жанра. Но и здесь еще много неясностей, например, в вопросе о соотношении бытовой и обрядовой причети, о связи завоенных, рекрутских и современных причитаний по новобранцам, о природе свадебных заплачек.

Самое разнообразное освещение получал вопрос о характере жанра, о соотношении эпоса и лирики в причитаниях. Одни связывали его с происхождением и развитием плача от древнейших эпических форм к более поздним лирическим, другие — с различием областных традиций, противопоставляя эпичность северных гоношений лиризму средне- и южно-русских.

Необычная пестрота мнений царит в вопросе о стабильности жанра. Ф. Буслаев, а за ним Г. Виноградов, например, считали жанр плача по умершим устойчивым на протяжении веков, в чем и видели притягательную силу для исследователя. А. Афанасьев, наоборот, отрицал ценность причети для науки именно в силу ее изменчивости и более поздних наслоений. К. Чистов настаивал на мобильности жанра в связи с общественным развитием. Ряд исследователей отмечали изменчивость похоронных и неподвижность свадебных заплачек. И. Земцовский говорил о сохранности похоронного и

рекрутского и о забвении свадебного плача, Т. Орнатская — о сохранности свадебных воплей и о почти полном исчезновении рекрутских и т. п.

В связи с проблемой жизнестойкости жанра поднимался и вопрос соотношения традиции и импровизации, о роли личного творчества в причитаниях. Большая часть наблюдений — в пользу преобладания традиции, хотя единого мнения в этом вопросе не достигнуто.

К наиболее часто затрагиваемым историческим проблемам жанра относится гипотеза о происхождении эпоса из героических хвалебных плачей древности (высказанная А. Н. Веселовским) и взаимовлиянии причети и других жанров народного творчества.

В работах фольклористов XX века встал вопрос о современном бытovanии плача и путях его развития в будущем. Многие, особенно в 1930-е годы, пророчили, скорее, отмирание причети или, во всяком случае, ее обрядовых разновидностей. Иные предрекали лишь постепенное преобразование обрядового плача в бытовой лирический или гражданский эпико-лирический сказ. Позднее стали говорить об устарелости свадебного плача и о том, что форма похоронных и рекрутских «воплей» оказалась вполне способной отразить новое содержание, новый жизненный уклад.

Если так много проблем и задач еще остается в сфере этнографического и филологического изучения жанра после десятилетий труда целого отряда этнографов-фольклористов, то исследование музыкального стиля русских причитаний только начинается. Поэтому все важнейшие проблемы, встающие перед учеными в этой области, требуют сейчас внимания и работы. Здесь и соотношение напева и текста причети, их функции в бытовом назначении жанра, роль традиции и импровизации. Это и мелодические структуры, и типы ладового интонирования, соотношение структурной завершенности и свободной импровизации, песенности и речитации, роль возгласов, речевых приплачек и мелодических попевок.

Исследователей заинтересует и роль причети в формировании языка классической и современной композиторской музыки, влияние плача на профессиональное творчество, выступившее очень ярко в произведениях многих выдающихся музыкантов (Мусоргского, Стравинского и др.).

Своеобразие областных стилей поднимает еще ряд новых проблем, связанных с изучением жанра русского плача. Несомненно только то, что это изучение должно начинаться с отдельных местных традиций.